

30.09.05

307

22

№178
(1816)

30
сентября
2005

Поэт в России – больше, чем поэт

Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

Самый ласковый сатирик

Саша ЧЁРНЫЙ (Александр Гликберг)

1880, Одесса – 1932, Лаванду (Франция)

Слишком много

Слишком много резонерства
И дешевого фразерства,
Что фонтаном бьет в гостиных
В монологах скучно-длинных, –
Слишком много...

Слишком много безразличных,
Опустившихся, безличных,
С отупевшими сердцами,
С деревянными мозгами, –
Слишком много...

Слишком много паразитов,
Изуверов, иезуитов,
Патриотов-волкодавов,
Исполнителей-удавов, –
Слишком много...

Слишком много терпеливых,
Растерявшихся, трусливых,
Полувзглядов, полумнений,
Бесконечных точек зрения, –
Слишком много...

Слишком много слуг лукавых,
Крайних правых, жертв кровавых,
И растет в душе тревога,
Что терпения у Бога
Слишком много!

<1908>

Молитва

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме.

Благодарю Тебя, Могучий,
Что мне не вырвали язык,
Что я, как нищий, верю в случай
И к всякой мерзости привык.

Благодарю Тебя, Единый,
Что в Третью Думу я не взят, –
От всей души, с блаженной миной
Благодарю Тебя сто раз.

Благодарю Тебя, мой Боже,
Что смертный час, гроза плутов,
Из разлагающейся кожи
Исторгнет дух в конце концов.

И вот тогда, молю беззвучно,
Дай мне исчезнуть в черной мгле, –
В раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.

1908

Честь

Когда раскроется игра –
Как негодуют шулера!
И как кричат о чести
И благородной мести!

<1910>

от сына статью пылкого молодого журналиста, тронувшего сердце провинциального чиновника французского происхождения Константина Роше, чей обрусевший дед изобрел цемент, на котором построены форты Кронштадта. Внук, добравшийся по карьерной лестнице до поста председателя Крестьянского присутствия в Житомире, был одинок и только что потерял сына.

Роше выписал к себе беглеца от родителей Сашу Гликберга. Может, Саша и сочинять начал потому, что Роше обожал поэзию. Это была его благодарность, но с той кусачей горчичкой, без которой сатирика не бывает: «Мой близкий! Вас не тянет из окошка Обмостовую брякнуть шалой головой? Ведь тянет, правда?» Тут уже не спрячешь, что это прежде всего обращено к самому себе. Жесткая насмешливость над собой позволяет и над другими посмеяться. Вот, например, как описывается «джентльменский набор» среднего либерала, этакое Стивы Облонского, которому хочется и гувернантку пощекотать усами в самых чувствительных местах, и баками, еще пахнущими духами французенки, покаянно потереться о заплаканные впавшие щеки жены, и с революцией пофлиртовать, и со столпами самодержавия шампанским (опять же французским) почокаться: «Злобно содрогаюсь в спазме эстетизма Иду к корзинке складывать багаж: Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма, Желтые ботинки, Брюсов и бандаж».

Говоря об эпохе 1908–1912 годов, когда наступила гнетущая депрессия среди интеллигенции, Корней Чуковский написал: «Против этой-то мрачной эпохи и возстал тогда в своих сатирических стихах Саша Чёрный. Он не только проклинал ее, не только издевался над нею, но мало-помалу нашел другой, более действенный метод сатиры: надел на себя самого маску ненавистного ему обывателя и стал чуть не каждое стихотворение писать от имени этой отвратительной маски».

Детский остров

Он так шутил, пожаром закопченный:
«Ну что ж, теперь я вправду Саша Черный...»,
пытаясь улыбнуться хоть чуть-чуть,
когда от кашля было не вздохнуть.

В простой рубашке черного сатина
заплакал, говорят, в предсмертный час
несчастный, самый ласковый сатирик
из-за того, что всех детей не спас.

Был далеко от нас французский остров,
но в СССР и нам пришлось гореть.
И от страны не уцелел весь о-вост.
Две трети, правда, есть... А где же треть?

Мы селили не то, что пожинали.
Не рожь хрустела под серпом – огонь.

Нас дымом душат бывшие пожары.
Россия, вновь террор не проворонь.

Нас душит пепел школ, театров, улиц,
Где наш народ, потерянный в толпе?
Россия, как бы мы не задохнулись
от безвоздушной воздуха в тебе.

Не выжить нам никак в бескислородьи.
Как ртом найти живой и теплый рот?
Как выжить в этом душном безнародьи?
Из безнародья воссоздать народ.

Нет стран великих без великих мыслей.
Нет стран великих без великих книг.
Зачем же с вами мы явились в мир сей,
когда никто сегодня не велик?

Кто остановит сразу все терроры?
Кто сразу всех спасет от всех смертей?

Посредственность и ложь – да это воры
бессмертия у гибнущих детей.

О, если бы, когда умней мы будем,
еще внутри их матерей спасли
ногами бьющих изнутри, как в бубен,
всех крошечных пред-гениев земли...

Пожар случился, говорят, от свечки.
Других я подтверждений не найду,
и новенькие скажут человечки,
визжа у моря, там же, в Лаванду.

Бегут они волной такой задорной,
как будто бы с небес детей обвал
или как будто это Саша Чёрный
их на полях стихов нарисовал.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Чёрный Александр

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Самые знаменитые строчки Саши Чёрного, видимо, вот эти, с ядовитой самонасмешливостью, с очаровательной грамматической

неправильной: Сбежались. Я тоже сбежался. Кричали. Я тоже кричал...

Человек, готовый «сбежаться», даже не будучи в толпе любопытных, всё равно есть его потенциальное слагаемое, и он побежит на любой крик, будь это несчастный случай или умышленное убийство, ограбление, изнасилование, пожар, захват заложников. Жажда поглазеть молниеносной и сильнейшей сочувствия. Начиная с похорон Сталина, я замечал, что люди, каждый по отдельности, не такие уж плохие, невольные звереют, когда обрастают другими людьми, куда-то стадно топчущими, расталкивая и давя друг друга.

Но презрение к брезгливому слову «сбежаться» есть только у тех, кто имеет мужество «сбежать», но не из трусости, а от отчаянной решимости – как Толстой сбежал из Ясной Поляны, когда было нестерпимо оставаться.

Маяковский слишком грубо, несправедливо спрямлял свое отношение ко многим, в том числе и к эмиграции: «...сбежал Северянин, сбежал Бальмонт...», хотя всё кчилось тем, что он безнадежно влюбился в белую эмигрантку. Задумался ли он о том, почему «сбежал» от революции самый знаменитый в России антисамодержавный поэт-сатириконец, которым до революции зачитывались все мало-мальски думающие люди?

Но оказалось, что Саша Чёрный в эмиграции, несмотря на его непримиримость к большевикам, основное время стал отдавать во воинствующим сатирам, которых от него ждали, а мягким, сентиментальным стихам и рассказам о детях и для детей.

В его «бегстве» для него самого не было ничего нового. Жизнь еврейского мальчика Саши Гликберга, еще не ставшего Сашей Чёрным, началась именно с бегства, и не куда-то, а от. Это, видимо, единственный случай за все десять веков русской поэзии, когда поэт еще в детстве сбежал от родителей (и, добавим, вполне обеспеченных). Отец его служил провизором и, как многие провинциальные фармацевты, был уверен, что всё знает лучше докторов. Но не задумывался, какое лекарство детям нужно от одиночества. Вечно нездоровая мать впадала в истерики, и дети ее раздражали больше, чем радовали. Не выдержав родительского тиранизма, сначала из дома сбежал старший брат Саши, а потом и сам Саша, который взял впоследствии псевдоним «Чёрный». Почему? Да потому, что одного из братьев, блондина, называли Саша Белый, а второго, брюнета, – Саша Чёрный.

Саша пристроился к петербургской тетке и стал учиться в городе, над которым навеки занесены копыта лошади Медного Всадника, но вскоре был исключен за неуспехи в математике. Он обратился к родителям за помощью, но их сердца остались каменными. Влиятельная газета «Сын отечества» напечатала об отказе родителей